

Из Москвы она нам не писала. Только из путешествий и эмиграции. Сначала из Берлина. Лера перебралась туда, когда в Коломне умерла её бабушка. «Она всегда чувствовала, — говорит, — что я должна приехать. И всегда к моему приезду были блины». Блины со сметаной, блины с вареньем, блины с мёдом. Любовь, которую наши немногословные бабушки умеют выражать так просто и естественно с помощью еды. Каток и коньки зимой, велосипед летом. В рассказах Леры бабушкина Коломна всегда приобретала (или мне так казалось) черты немножко лубочного русского рая.

Из Берлина, где Лера устроилась программистом, она писала: «Я ukrала книжку в лав-

ке букиниста Der Tod in Venedig. Я покупаю газеты, я покупаю немецкие газеты из эстетических соображений, из-за платонической любви к Гутенбергу. От вождельенья я учусь читать». Обычно открытки адресовались моему мужу. Они дружили ещё до меня. Всегда капиллярная синяя ручка и по-эстетски печатные буквы. Иногда Лера мельчила, буквы выплёскивались за край листа, и я вспоминала её захлёбывающую манеру говорить, почти не оставляющую пауз для собеседника.

Нам Лера, с годами всё больше похожая на худого, высокого подростка, всегда нравилась. Даже несмотря на то, что имела не только степень кандидата физико-математических наук, но и высшее искусствоведческое

образование. Слишком вопиющее превосходство, согласитесь. Она любила учиться. И бежала на итальянский или английский, когда мы садились с бутылочкой пива на берегу Исети. Нравилась она и пожилым иностранным джентльменам. Ещё в одной открытке с итальянской маркой, по-моему, из первого её путешествия в эту страну, она писала: «В музеях я брожу одна, пока Саша смакует кофесигареты в кафе, и мой проникнутый живым вниманием к искусству взгляд притягивает ☺ Всегда притягивает пожилых высокообразованных джентльменов. Вот и на этот раз. Полтора часа в палатце Кьериати (шедевр Паладио) мой спутник не умолкал и рассказал мне обо всех картинах Пинакотеки (мы сделали два полных круга по залам). Я говорила: si, mi, piase. Он активно интересовался моим возрастом, сравнил мой размер груди с шестым размером Артемиды, шутил по поводу необходимости знать хотя бы два слова по-итальянски – *tetto* и *cazzo*, которые всегда ворочаются во рту... И это при том, что я была скромняшкой и сказала... и осмелилась предположить, что главное сокровище галереи – «Распятие» великого северянина Мемлинга и что устаю я от «мяса» итальянских картин. И я уже начала беспокоиться по поводу того, чем может закончиться наша беседа, как вдруг мой почтенный друг взглянул на часы, попрощался и унёсся вниз по винтовой лестнице по неотложным делам».

Лерин друг Саша больше любил и знал кино, чем живопись. Он прекрасно готовил. Плов у него, например, получался вполне аутентичным. Но отлепиться от холода родных палестин вместе с Лерой он не смог. В очередное французское путешествие, устроенное способом *couchsurfing*, модного среди тех, кто знает языки, она отправилась одна. На открытке, полученной нами, среди лазурного моря крепким орешком белел форт, превративший в свои стены обрывистые берега. «*Salut!* Привет! Мой хитроумный план проникнуть во Францию (через Италию и Корсику) удался! Марсель, город у моря, порт со своей собственной жизнью, а не фальшивый курорт, – лучшее место, чтобы отдохнуть от города М. Морская вода здесь холодна,

и заплывы бодрят, сильный ветер (мистраль) придаёт напряжение походке, крики чаек (говорят, случается, они кусают туристов) придают впечатлениям ту необходимую резкость, которая, я надеюсь, позволит мне ещё какое-то время «пружинить» на «родимой» земле.

...Ветер с моря, и ты не поверишь ☺, я влюбилась тут в длинные шарфы и недлинные юбки...»

В Москве тогда у Леры был тяжелый период. Позже она не раз вспоминала о «последней капле», заставившей начать оформление документов на выезд. И, может быть, надо сказать «спасибо» её сумасшедшему старику-соседу по разбитой съёмной квартире, который регулярно заявлял в полицию, что она ведёт себя аморально и покушается на его жизнь. Полиция, по Лериным рассказам, всегда почему-то принимала сторону соседа. Наверное, эта потрепанная жизнью птица казалась им менее экзотичной, чем одинокая девушка-программист. Жить в Европе, в одиночку решая проблемы трудоустройства и съёмного жилья, ей показалось проще. В конце концов, игнорируя крупные города, от которых устала, Лера осела в Пизе. 20 минут до увитого плющом здания аэропорта, 30 минут до Тирренского моря.

Падающая башня и баптистерий, ставшие домашней географией. Четырёхпалубный корабль Кафедрального собора, на внутренних фресках которого плещется море, а Нептун с мозаики на фасаде прикидывается Иоанном Крестителем. Солнечные площади с большим рынком по выходным. Вечный полумрак щелей-переулков, в которых медленно оседают на камни мостовой птичьи перья и пахнет голубиным помётом. Мандарины, висящие на деревьях у ратуши до рождества. Парк за домом Шелли, с развалинами древней крепости и вай-фаем, где так хорошо греться на солнышке в январе, когда из экономии отключено отопление и спасает только электроодеяло. Граффити на задней стене церкви Сан-Антонио, сделанное Китом Харрингом, открытым геем, умершим от СПИДа. Арно, местами напоминающая Исеть, и университет, в котором медицину осваивал ещё Галилей.

Учиться в университете можно хоть до старости. Тем более что пожилым студентам и иммигрантам предоставляется скидка. Впрочем, Лера, бодро рассекающей на велосипеде в короткой юбке и длинном шарфе, больше тридцати никто не давал и не даёт. Некоторые зовут её «девушка-ракета». Отмечаться по своим иммигрантским делам она ходит в управу, в основном вместе с темнокожими сенегальцами, бодро торгующими фальшивыми часами «ролекс» и зонтиками. Пиза — один из самых дождливых итальянских городов, и мрамор скульптур, которыми она гордится, приобретает от водяной мороси удивительный цвет: что-то между пепельно-розовым и слоновой костью.

В Пизе два своих российских образования Лера сливает в одно на специальности «гуманитарное программирование». Её зарплаты хватает на то, чтобы снимать приличную квартиру, оплачивать учёбу и немного путешествовать.

«Пишу из итальянского послеполудня, облокотившись на согретые солнцем камни набережной. Воскресенье, тишина невозможная, чаек никто не перебивает. Заканчивается марафон: то и дело мимо ковыляют старички в спортивных трусах, зрителей нет, в отдалении — скорая помощь и невдалеке — пара фотографов запечатлевают подвиг. Я свой подвиг сегодня уже совершила: установила систему виндоус в виртуальную машину под линуксом и в неё пиратскую версию программы Dragon. Эта штука умеет распознавать речь и переводить её в печатный текст. Уровень ошибок 3%. Моя задача (университетская) была перевести 15 минут диалога аудиозаписи в текст и потом проанализировать результат. После марафона с установкой программы текст я получила автоматом за 15 минут, проиграв запись. Меня ждёт тридцатка в школе. А миру потихоньку угрожает (а может, не угрожает, а сулит? 😊) трансформация национальной журналистики. Так как новости на разных языках уже производят крупные корпорации, и местной журналистике надо с этим считаться. Во время моих одиноких прогулок в Пизе обнаружены два музея живописи: в Королевском дворце

и в церкви Сан-Маттео. Дождусь дождливых дней и проведу пробную разведку 😊 С Новым годом!»

Теперь Лера поселилась в достаточно тихом и буржуазном районе Porta a Lucca, что означает «Ворота в сторону Лукки». Скромные виллы, небольшие дома на четыре семьи. В её подъезде витал один из любимых запахов моего детства: еле слышно и сладко пахло нафталином. По стенам висели маленькие репродукции Ван Гога и фотография парусника. Стояло ведро для зонтиков, оставлять в котором свой Лера никак не могла привыкнуть, чем немало удивляла соседей. Двор дома ограждал невысокий каменный забор, и Лера провела сложные переговоры, чтобы было где парковать два велосипеда, специально приготовленные для наших с ней совместных прогулок. На застеклённой двери подъезда висело сделанное от руки объявление: перечёркнутая крест-накрест кошачья морда. Сеньора сверху, старушка с суровым лицом героев итальянского неореализма, на правах главной мойщицы общественных полов, просила не пускать в подъезд Оливия, кошку сеньоры снизу. На одном из четырех почтовых ящиков среди фаянсовых табличек с фамилиями владельцев квартир, на скромной бумажке в клеточку стояло имя Valeriya, как эфемерный знак вписанности в здешнюю жизнь.

Первый раз мы с мужем прилетели в гости в Пизу на две сентябрьские отпускные недели и уже на второй день, в соответствии с Лериным планом, отправились на велосипедах в Чертоза ди Кальчи, картезианский монастырь молчунов. На тамошних монахов был наложен обет молчания, и увольнительная давалась только два раза в год. Тогда они могли, прогуливаясь парами вокруг монастыря, беседовать не на духовные темы. Поначалу всё казалось очаровательным: и погода, и сама идея прогулки, и тающие в солнечных лучах виды окрестностей. «Дотуда всего 10 километров в гору!» — беспечно сообщила Лера людям, которые в последний раз сидели в велосипедном седле лет 20 назад. Понятно, что на обратном пути задницы свежеприобщённых к спортивному образу

жизни превратились в один большой синяк. Красоты Тосканы, открывающиеся по обочинам оживлённой автотрассы, пошли насмарку. И возникла стойкая неприязнь к прекрасным линиям, полено одной из которых дало когда-то жизнь Пинокио. Оказалось, что корни этих мощных деревьев почти повсеместно взбурили асфальт до состояния стиральной доски. А любая, даже самая маленькая кочка уже с середины путешествия вызывала острую боль в пятой точке, несмотря на то, что под неё были подложены все лишние элементы скудного по случаю жары гардероба.

Из того первого столкновения с настоящей Италией в памяти осталась лишь Лерина история о том, как она начинает свои весенние прогулки с книжкой и велосипедом. С утра, пока солнце ещё не нагрело землю и предметы, останавливается передохнуть и почитать на деревянных лавочках. Ближе к обеду задействует кованые, у которых «неплохая теплопроводимость», и уже в конце дня рискует опуститься на каменные. Идея таких прогулок показалась мне вдохновляющей, особенно в виду оливковой роши монастыря молчунов, где была рассказана. Но долго не проходящий синяк на заднице как бы намекал, что между идиллическими картинками и реальностью всегда остается зазор. Существенный зазор имелся и в наших с Лерой взглядах на организацию питания.

К еде и к кухне вообще она подходила не с утилитарной, а с эстетической точки зрения. «Я не сентиментальна 😊, — писала Лера в одной из открыток с чёрно-белым портретом Марлен Дитрих на лицевой стороне. — У меня умерли розы, я люблюсь на сухую колючку в горшке, я обещала поливать их, я поливаю колючку в горшке, базилик и шалфей. Розмарин, базилик и шалфей себя чувствуют прекрасно и колосятся на окне. Я чувствую себя прекрасно, я учусь готовить. У меня два ножа, один — киллер-нож как у Хичкока в «Психо» и другой — маленький и острый, чтобы быстро покрошить базилик... или чеснок, или шалфей».

Профессиональные ножи и добротные разделочные доски, вывезенные ещё из Гер-

мании, действительно, по нашему приезду обнаружили на кухне её просторной, очень светлой двухкомнатной квартирки с двумя балконами и «тосканским», то есть выложенным плиткой, полом. При виде солидных досок сразу вспоминались огромные вяленые окорока из здешних магазинов. Но сама кухня производила не самое обжитое впечатление. Отлично укомплектованный кухонный комбайн в невскрытой упаковке. Тут не готовили, а перекусывали. В холодильнике скупали кусочек сыра и коробка с баночками йогурта. В блюдах на столе картинно лежали фрукты. В бумажном пакете томился здешний дорогой хлеб: белый, без соли, с ноздреватой мякотью под твёрдой хрустящей коркой. Не часто бывшие в деле кастрюльки дремали по шкафам. Имелся небольшой запас квянти и пасты.

Лера даже утренний кофе пила вне дома. Вставала в семь, молниеносно собиралась, в любую погоду садилась на велосипед и отправлялась за восемь километров в район офисов. На полпути заезжала в кафе. Всегда одно и то же. Там болтала с барменом, упражняясь в итальянском. Необходимостью языковой практики объясняла и свою привычку брать фрукты в живописных маленьких лавках, а не безликих супермаркетах. Радостно рассказывала, как хозяева угощали её в довесок к купленному, но, похоже, для Леры это был символический ритуал, попытка через материю пищи вписать себя в здешнюю жизнь, покупка индulgенции за грех инородности, Valeriya на листочке в клеточку.

Однажды её угостили сморщенным, утыканным иголками фруктом. Потом ввиду дешевизны муж прикупил такие же в супермаркете портового города Ливорно. Скромные зарплаты библиотечных работников заставляли нас экономить, к тому же сильной разницы между иглокожими особями из лавки и из магазина не просматривалось. Алая мякоть под зелёной шкуркой на вкус совсем не отличалась. В супермаркете фрукты фигурировали под именем «индийские фиги», но мне что-то неотступно напоминали. «По-моему, друзья, — робко предположила я, — это шишки кактуса, который тут повсю-

ду растёт». После того, как меня освистали, на прогулках я стала с утроенной силой озираться по сторонам в надежде доказать свою правоту. В конце концов, кактус был обнаружен в скверике перед городской ратушей. Плоды его с грехом пополам бесплатно собраны. Муж, правда, изрядно занозил пальцы и задумался над рационализаторским подходом к строптивым ёжикам. Ответ лежал на поверхности — бритва. «Жиллет фьюжен» с четверным лезвием подошел вполне. Бритые фиги разделять оказалось значительно проще. К тому же спонтанно родилась идея для нестандартного рекламного ролика бритвенного станка. Продать идею было некому. И мы пошли дальше по пути бюджетного изучения окружающей среды и итальянских деликатесов.

Мидии, собственноручно открученные нами с камней общественного пляжа в Маринеди Пиза, по виду не отличались от тех, что красовались тут же в специализированных ларьках за 4 евро кило. Лера смотрела на нашу добычу с недоверием. Устрицы, которые мы разыскали уже в свой второй, зимний приезд в Пизу, её тоже не вдохновили. Их продавали в рыбном отделе французского супермаркета Carrefour. Он располагался несколько на отшибе, за автостоянкой, где по субботам разворачивалась ярмарка дешёвого товара. И работал не в вольном режиме основной массы итальянских магазинов, а строго по расписанию, до 23:00. Увесистые, корявые раковины, приятные даже на ощупь, были упакованы в симпатичные деревянные ящички с морским коньком на крышке. Бутылка светлого вина и лимон — всё, что требовалось к ним в комплект для превращения счастья в полное.

С устрицами у нас случилась любовь с первого глотка. Удовольствие оказалось пронзительным: вкус моря, свежего ветра, самой жизни и почему-то солёных огурцов из детства, которые продавщицы вылавливали в необъятных деревянных бочках с расолом. Муж научился вскрывать моллюсков перочинным ножом с коротким, крепким лезвием. Они немного крошились, и, чтобы не мусорить на идеальной Лериной кухне,

мы приноровились устраивать свои пиры на зимнем, почти безлюдном пляже или в укромном углу на набережной Арно. Как раз напротив церкви Сан-Маттео, о которой когда-то она нам писала. Туда, действительно, хорошо было ходить в дождь, в будний день, чтобы при полном отсутствии посетителей бродить по этажам, заполненным изображениями младенцев и мадонн. Рыжие, русые, блондинки и брюнетки, с широким разрезом глаз, узким разрезом глаз, с тонкими бровями, с обычными бровями, с румянцем и без, смуглые, бледные, суровые, задумчивые, скорбные, рассеянные, с загадочными улыбками, подсвеченные тусклым золотом в слабо освещенных залах, пол которых перечёркивали тени, падающие от выставленных тут же ажурных крестов.

Лера гуляла с нами редко. Она работала в обычном офисном режиме: с девяти до пяти. Её рассказы о «производственной» жизни тоже мало отличались от российского стандарта: кого-то держат на службе из-за того, что он племянник босса, кто-то норovit спихнуть свою работу на других, кто-то толком не умеет делать сайты, но прекрасно проводит показательные выступления перед заказчиком. Заказчики вообще везде одинаковы. А вот на встречи в соседнюю Флоренцию Лера ездить не любит. Суетно. И возникающие на работе конфликты предпочитает решать в соответствии с буквой контракта. В последнем мы с мужем её не одобряли, считая, по разгильдяйской русской традиции, что лучше как-то по-человечески договориваться, а букву циркуляра всегда можно обойти. Но у всех свои навыки взаимодействия с действительностью, свои способы с нею стыковаться и её обмануть. Лерин путь, как ни странно, выглядел более прямолинейно, а может быть, цельно.

Потчевать нас «своей Италией» она предпочитала в ресторане. Её любимый так и назывался «Ресторан №11» с потолками под восемь метров и перекрытиями пойдя разбери какого века. Работало заведение только во второй половине дня и не всегда по тому графику, который был заявлен на дверях. Хозяин лично стоял на раздаче, официантов

не держал, гости сидели на простых скамьях за длинными столами. «Когда будут кричать лингва, паста, конильо – это наше», – предупредила Лера. Язык подали с хитро приготовленными луковичками, кролика с непознанной тушёной травой, напоминающей пиканы. На глазах не особо изумлённой публики – здесь в основном столовались студенты пизанского университета – мы, дегустируя блюда, лихо обменивались тарелками, сдобривая ужин красным сухим вином.

Расплатиться за всех Лера намеревалась сама, и широким этим жестом напомнила свою маму. Сильную женщину советской зачатки, которая без помощи мужа «подняла» двоих детей, дала им хорошее образование и уверенно вела семейный корабль сквозь все шторма российских девяностых и двухтысячных. Научилась зарабатывать неплохие деньги и с возрастом приобрела довольно высокий «потребительский стандарт», считая «качество жизни» показателем счастья. Подарки для неё Лера всегда выбирала с большим тщанием, ссылаясь на то, что маме с каждым годом всё труднее угодить. С визитом родственников в Италию тоже пока не складывалось: сперва Леру не удовлетворяла съёмная квартира, теперь хотелось подгадать момент, чтобы представить «свой мир» в самом выгодном свете. Когда-нибудь все семейные графики должны были сойтись.

А пока мне нравилось наблюдать, как в Лерином быте эстетические излишества сочетаются со спартанской простотой. Пара джинсов, пара ветровок, комодный ящик, занятый одними шарфами, несколько футболок, несколько юбок, практичная обувь без каблука. Каблуки и короткие выходные платья для особых случаев – оперной музыки, а точнее, оперной страсти. Вот здесь Лере ничём становились и перелёты по шумным столицам, и суэта, и дорогие билеты.

«Мой поход «за Сералем», – писала она ещё из Берлина, на обороте открытки, где Брежнев целуется с Хоннекером, – вот и заканчивается. Опера про фею, которая превращает всех, кто её не любит, в зверушек – Alcina – так и осталась одной из моих любимых, несмотря на то, что исполняла

волшебницу прима (бессменная, как выяснилось, уже лет 20) – здешнего феста: 60 лет – 100 кг. По-настоящему же опасными оказались две другие волшебницы, на концерты которых я купила билеты – Gemma Bertagnollie и Vesselina Kasarova, вот начну теперь ездить на все их выступления и не смогу остановиться...»

Ради меццо-сопрано Чечилии Бартоли она могла сорваться на один день в Париж, засунув парадный наряд в рюкзак, чтобы потом сидеть в первом ряду с букетом и надеждой на автограф. Нам с мужем на Новый год Лера тоже подарила два билета в местный театр «Верди» на оперу «Ирис» и концерт барочной музыки. Так мы узнали, что театр в Италии начинается совсем не с вешалки, большинство посетителей сидят в партере в верхней одежде или оставляют её в «предбаннике» театральной ложи, если им достались билеты подешевле, на яруса. Нам повезло, мы оказались за тяжелой бордовой портьерой одни. Разложили фляжку с коньяком и шоколадку на соседнюю банкетку, радостно махали Лере, обосновавшейся двумя «этажами» ниже, и получали кайф не столько от музыки, столько от того, что весь антураж театра и бархатные внутренности зашторенной ложи живо напоминали сцены со стрельбой из «Крёстного отца» (тоже какая-никакая, а вписанность в мировую культуру).

С мессами и светскими мадригалами итальянских композиторов 17 века оказалось сложнее. Во-первых, мы сидели в первом ряду партера и достать у всех на виду фляжку представлялось не комильфо. Во-вторых, невиданные музыкальные инструменты и ажурный, сложный вокал не просто озвучивали просмотренные за время путешествия картины с их золотыми небесами, алыми плащами, прекрасными лицами и бесчисленными мадоннами. Нет! Они пытались перекодировать нас на геномном уровне, как сладкоголосые сирены несчастных моряков, пытались заставить забыть о монотонном колокольчике русского ямщика, который плачет над заснеженной равниной. Но он неотступно звенел в самом потаённом уголке наших душ, разнежившихся на итальянском солнце.

– Ты бы хотел остаться здесь навсегда? – спросила я мужа.

– Торговать фальшивым «ролексом» или зонтиками? Можно ещё завести собаку и просить денег на её прокорм...

– А если бы ты знал язык и имел работу?

Муж поёжился, будто пытаясь ещё раз примериться к пространствам, которые предписаны здесь иммигрантам нашего достатка и «неделового» склада характера: строго поделенные между соседями метры двора, выговоры за слишком громкие разговоры на кухне, мусорные баки, запирающиеся на специальные магнитные карты, наши имена на бумажке в клеточку. Приплюсовал свою маму семидесяти восьми лет, отсутствие товарищей, которые, может, и допекают порой на родине, но без которых весёлые кутежи превращаются в одинокое бытовое пьянство.

– Нет, – ответил уверенно, – старые мы уже, только в отпуск, только в отпуск.

А Лера всё-таки начала готовить. В наш второй, зимний приезд. Пасту с сосисками. Причём последние она потрошила, добывая из тонкой кишки начинку, чтобы обжарить на сковороде. Я помалкивала, а муж, как большинство мужчин, плохо понимающих такие сложности, недоумевал – не проще ли сразу купить фарш? Лера в плане алиби показывала ему ролик из интернета. Там потрошили именно такие сосиски. Паста тоже была строго специальной, по-моему, фузилли – спиральки из твёрдых сортов пшеницы. Готовка проходила очень серьёзно, в точном соответствии с видеоинструкциями, мы плотно ужинали, несмотря на поздний час, и хвалили.

За окном кухни, оттеняя края невысоких гор, окружающих Пизу, гас январский закат. К соседке снизу, молодой женщине с ребёнком, пришёл мужчина, и знай мы язык, вполне бы могли понимать, о чём он говорит. Я же думала про то, что фузилли очень по-

хожи на продукцию челябинского комбината «Макфа», а тот, кто готовит пищу для другого, наверняка хочет принести этому другому радость. Ещё важно не просто оделять кого-то своей щедростью, но научиться искренне говорить «спасибо», когда пытаются оделить тебя. И стоит, наверное, написать рассказ или даже маленькую повесть под названием «Кулинарные курсы счастья», где обучение стряпне играло бы роль психотерапевтических сеансов.

Вела бы курсы старушка, очень похожая на Лерину бабушку из Коломны. Но была бы она, разумеется, немного волшебницей и итальянкой, вроде той, с которой Лера познакомилась на концерте скрипичной музыки в Кампосанто на пизанской Площади чудес. Возможно, изображение этой пожилой сеньоры даже бы отыскалось на полустёршихся фресках, украшающих стены знаменитого кладбища. «Триумф смерти», «Страшный суд», «Жизнь отшельников» населял удивительно сильный и красивый народ. Редко где мне доводилось испытать такое торжество жизни, как рассматривая их лица и слушая струнные с фортепиано среди здешних саркофагов. И без того невозможную красоту здания удваивали звуки Баха, Генделя, Вивальди. Сквозь арки открытой галереи хорошо просматривалось, как луна движется от купола Кафедрального собора, отсчитывая тонкие резные колонны. Сеньора бы внимательно оценивала того, кто желает научиться кулинарному искусству, определяла бы про себя его душевный недуг (а все мы немножко больны, чего уж тут), прописывала бы в качестве лечения готовку определённого блюда, кому бифштексы с кровью, кому сложный десерт. А в уме держала бы дозу любви, необходимую для достижения успеха, и по мере возни со стряпней, с тёплой материей жизни, у каждого соприродной именно ему – печаль бы таяла, таяла, таяла.